

Ингрид. Изгнание
Сергей Самборский

Сергей Самборский

Ингрид. Изгнание

«Издательские решения»

Самборский С.

Ингрид. Изгнание / С. Самборский — «Издательские решения»,

Земля предков оскудела, дикий зверь исчез, оставив племя Ульфа на грани выживания. Молодой охотник последовал бы за своими людьми, но его связала судьба с Ингрид — девушкой, чью жизнь перечеркнул погасший ночью огонь, ставший символом слабости и отказа от нее родного племени. Теперь двое странников отправляются сквозь лед и снег навстречу неизведанным опасностям. «Ингрид. Изгнание» — первая книга саги об Ингрид. Следующие книги саги — «Ингрид. Дыхание Ян-Ура» и «Ингрид. Великая Матерь Ура-Ала».

© Самборский С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ингрид. Изгнание

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0069-7674-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ночь опустилась на поселение быстро, словно сомкнулась тяжелая завеса тьмы. Крохотные огни костров едва пробивались сквозь густой мрак, отбрасывая тревожные тени на лица собравшихся сородичей племени. Угасающие угли тихо потрескивали, отзываясь эхом среди суровых заснеженных гор Ура-Ала. Ульф сидел молча, уставившись в пламя своего костра. Перед глазами снова всплыли события минувшего дня. Совет старейшин решал судьбу девушки по имени Ингрид. Ее обвиняли в преступной халатности: ночью на страже она заснула, и пока дремала, ее костер потух. Это позволило голодным волкам подобраться ближе к стоянке племени. Вождь тогда сказал, что девушка спит крепче всех и ей нельзя доверять охрану стоянки. Старейшины, посоветовавшись, постановили: Ингрид должна покинуть поселение завтра же утром.

Ульф чувствовал, как внутри нарастает тревога. Ингрид была необычной девушкой. Она часто засыпала внезапно и глубоко, будто проваливалась куда-то далеко. Хотя выглядела вполне здоровой, многие считали ее недостаточно надежной и подходящей женой. Ее левое колено при каждом шаге чуть подкручивалось внутрь, отчего походка казалась неуклюжей, с заметной хромотой. Эти мелкие недостатки делали девушку предметом постоянных насмешек сверстников, особенно молодых охотников, мечтающих жениться на здоровых, выносливых женщинах.

Однако Ульфу она нравилась. Он видел в ней доброту, силу духа и способность заботиться о других. Часто защищал ее от нападков окружающих, хотя сам никогда не признавался в симпатии вслух. Однако теперь пришло осознание, что больше всего жалел он именно ее. Если Ингрид уйдет одна в незнакомые края, без оружия, защиты и провианта, выжить ей будет крайне трудно. Ульф внезапно для себя осознал, что из всех девушек племени он хотел бы видеть рядом только ее — Ингрид. Он украдкой посмотрел в сторону ее хижины. Она сидела у догорающего костра, и свет пламени плясал на ее лице, выхватывая из темноты черты, которые Ульф давно выучил наизусть. Ее лицо, чуть вытянутое, с тонкими, почти бледными скулами, казалось сейчас особенно благородным, словно вырезанным из кости древним мастером. Ульф всегда считал ее по-настоящему красивой, хотя в племени красотой называли лишь розовощековую мощь и грубую силу. Ее волосы, густые и темные, как сама эта ночь, рассыпались по меховой накидке, скрывая ее хрупкие плечи. А глаза... Ульф часто ловил на себе их взгляд — угольно-черный, глубокий, в котором таилась странная печаль и одновременно такая сила духа, какую редко встретишь у самых прославленных охотников.

Когда она поднялась, чтобы подбросить в огонь веток, ее левое колено привычно подвернулось внутрь. Она едва заметно качнулась, поправляя равновесие, и эта хромота, за которую сверстники прозвали ее «Подломленной», отозвалась в сердце Ульфа острой болью. Другие видели в этом изъян, предвестник того, что она не угонится за кочующим племенем. Ульф же видел в этом ее ежедневный, тихий подвиг — то, с каким достоинством она несла свое тело, никогда не жалуясь и не прося о помощи. Да, она могла уснуть прямо посреди разговора или на посту, проваливаясь в бездонную темноту своего недуга. Но для Ульфа эти моменты были не «халатностью», а минутами, когда ее душа, утомленная жестокостью мира, искала покоя. В эти мгновения она казалась ему беззащитным ребенком, и в нем закипала ярость на старейшин, не желающих видеть ничего, кроме пользы. Он вспомнил ее доброту. Как в сильные морозы, когда еды почти не осталось, она отдала свою долю вяленого мяса осиротевшим детям, хотя сама едва держалась на ногах. Как она умела слушать тишину гор, понимая их лучше любого шамана. В ней была чистота, не запятнанная суровостью Ура-Ала.

Ульф сжал кулаки так, что побелели костяшки. Оставить ее? Позволить ей уйти на растерзание холоду и волкам, пока племя будет сыто спать на новом месте? Нет. Если Ингрид — балласт для племени, то он, Ульф, станет для нее опорой. Он не просто сочувствовал ей. Он понял, что ее тихий свет для него важнее, чем все костры его народа. В эту ночь, глядя на ее тонкий профиль на фоне вечных снегов, Ульф принял окончательное решение. Молодой охотник уйдет с ней. И пусть весь мир вокруг них превратится в лед, он сделает все, чтобы ее огонь не погас. Уже поздно ночью, уверенный в принятом решении, зашел в свое жилище, прихватив самый надежный топор, повесил его за спину. Маленький топорик привязал к поясу, нож, запас сушеных грибов и сушеного мяса. Запихивая вещи в суму из кожи горной козы, молодой охотник понимал, что совершает поступок, идущий наперекор решениям старейшин и традициям племени. Встать на сторону отверженной и покинуть вместе с ней родное племя означало бросить вызов традициям и добровольно повесить на себя ярлык отверженного. Но ему уже было все равно. Он решил пойти вместе с Ингрид, защитить ее и разделить с ней нелегкую дорогу.

Ульф, вспомнил о находке, достал ее, чтобы при свете костра еще раз внимательно осмотреть. Когда его пальцы осторожно прикоснулись к гладкой металлической поверхности, сердце забило быстрее. Никогда раньше он не встречал ничего подобного этому тонкому плоскому кусочку материала, извлеченному из-под прозрачного слоя льда. Казалось, будто сама природа создала его специально для Ульфа, спрятав среди вечных льдов и сохранив от разрушения. Металл оказался удивительно легким, почти невесомым, словно перышко птицы, и гладким, как кожа новорожденного ребенка. Таинственный предмет легко помещался на ладони, что давало возможность его быстро прятать. Поверхность покрывали тонкие линии и узоры, похожие на письмена древних шаманов, нанесенные тонкой рукой мастера. Один символ выделялся особо ярко: две короткие палочки пересекались горизонтально, образуя крестик, похожий на тот, которым шаманы отмечают жертвенных животных. Рядом стояли два круга, соединенных короткой чертой, и ниже — линия, извивающаяся подобно ручейку весной. Еще дальше шла цепочка непонятных знаков, расположенных ровно и аккуратно друг за другом. Кто-то долго трудился, вырезая каждую линию, каждую точку с особой тщательностью. Каждый символ источал энергию, казалось, заключенную в них саму сущность древней мудрости, доступной лишь избранным. Возможно, отец говорил однажды о таком знании, переданном от поколения к поколению устно, но это могло быть лишь легендой, давно утраченной в веках. Заметив маленькие отверстия по краям, охотник предположил, что некогда он служил украшением для шеи какого-нибудь могущественного вождя или шамана, чей дух путешествует по миру ныне невидимым путником. Интуиция подсказывала ему, что эта находка таит важную истину, которую только настоящий проводник древнего знания — вроде старого шамана — сможет расшифровать и объяснить. Решительно повесив находку на шнурок и привязав к поясу, Ульф почувствовал волнение и трепет одновременно. Может быть, именно этот загадочный предмет приведет его к пониманию истинного предназначения и даст силы преодолеть любые испытания на пути к будущему с Ингрид.

Тем временем Ингрид уже лежала в своей хижине, свернувшись клубком возле собственного горящего кострища. Сон пришел мгновенно, несмотря на беспокойство и страх завтрашнего утра. Во сне она вновь переживала суд старейшин, вынесших ей этот суровый приговор. С рефлекторными движениями рук, будто защищаясь от нападавших, Ингрид тихо стонала, не в силах проснуться. Она проснулась резко, почувствовав взгляд сверху. Сквозь едва пробивающийся рассвет увидела глаза Ульфа, светящиеся отраженным утренним заревом. Девушка

заморгала, пытаясь прийти в себя. Сердце бешено заколотилось. Впервые в жизни смотрела прямо в лицо человека, который не раз заступался за нее. Что же он хочет на этот раз?

— Я иду с тобой, Ингрид, — спокойно произнес Ульф, протягивая руку. — Мы отправимся вместе искать новое пристанище.

Девушка вскочила на ноги, слабо улыбаясь сквозь слезы радости и облегчения. Собрав пожитки Ингрид и взяв ее за руку, направился прочь от становища, покидая знакомую землю навсегда. Никто не окликнул их, никто не задерживал. Они покинули племя на рассвете, стремясь обрести новую жизнь, бросив вызов самой судьбе среди сурового холодного климата. Ингрид, держась за руку своего соплеменника, до сих пор не могла поверить в случившееся. Сначала жестокий приговор, который она приняла с болью в сердце. Куда она пойдет одна? Что будет делать? А прямо вот сейчас столкнулась с поворотом судьбы, на который и вовсе не рассчитывала. Кто добровольно откажется от родного племени, чтобы уйти с отверженной в неизвестность? Она и раньше замечала, как этот молодой человек на нее смотрит. Как-то не так, как остальные соплеменники. Еще вчера она думала, что останется одна, среди вечных снегов и льда. А сейчас идет рядом с мужчиной, вставшим на ее сторону. Зачем он это сделал? Это же безумие, оставить свое племя ради «Подломленной». Ведь все племя считало ее обузой. Но, похоже, не Ульф. Он один не изменил своего отношения к ней, даже несмотря на позор изгнания. Ингрид украдкой повернула голову и взгляделась в него, по-настоящему изучая его первый раз. Раньше она боялась смотреть на него долго — ее смущала собственная ничтожность перед его силой. Теперь же, когда их шаги по хрустящему насту слились в один ритм, она видела его иначе. На фоне занимающейся зари и белых пиков Ура-Ала Ульф казался существом, рожденным из самого камня и льда.

Его профиль был резким и твердым. Густая темная борода и усы уже подернулись легким инеем от дыхания, а из-под меховой шапки выбивались пряди волос, заиндеветшие на холодном ветру. В его взгляде, устремленном вперед, не было ни капли сомнения или сожаления о брошенном тепле родного очага. Только твердая решимость. Ингрид смотрела на его широкие плечи, укрытые тяжелыми шкурами, и видела массивное топориче, возвышающееся за его спиной. Этот топор, которым он валил вековые деревья и защищал границы поселения, теперь был ее единственной защитой. Она заметила, как уверенно и легко он несет тяжелую суму из кожи козы — для него этот груз казался пушинкой. Но самым удивительным для нее было то, как он вел ее за руку. Его огромная ладонь, привыкшая к грубой работе и оружию, сжимала ее пальцы надежно, но без лишней силы, словно он боялся раздавить хрупкую птицу. Внутри Ингрид все трепетало. Она привыкла быть «Подломленной», объектом насмешек или, в лучшем случае, равнодушной жалости. Но сейчас, глядя на этого могучего охотника, она впервые почувствовала не страх перед будущим, а обжигающее тепло в груди. Почему он выбрал ее? Почему бросил все? Она видела каждую деталь его походного снаряжения: аккуратно привязанный к поясу маленький топорик, нож, крепкие шнуры. Ульф подготовился к этой дороге так, будто шел на самый важный бой в своей жизни. Ингрид вдруг осознала, что этот человек не просто заступает за нее из жалости. Он признал ее своей. Он добровольно разделил ее изгнание, сделав ее хромоту — своей хромотой, а ее сон — своей заботой.

В этот миг ее благодарность начала перерастать в нечто более глубокое и пугающее. Это было чувство безграничного доверия, смешанное с робкой, еще неосознанной любовью. Она смотрела на него и понимала: для всего племени он — безумец, предавший традиции, но для нее он — целый мир, единственный человек, разглядевший в ней душу за ее недугами. Когда ее левое колено в очередной раз привычно подвернулось внутрь, Ульф не замедлил шаг и не

раздражился. Он просто чуть крепче сжал ее руку, помогая удержать равновесие, даже не оберачиваясь. Этот простой жест значил для нее больше, чем все слова на свете. Ингрид поняла: пока этот человек рядом, она больше не изгой. Она — спутница воина. И ради этого она готова была идти за ним, пока ее ноги не откажут окончательно.

Глава 2

Солнце клонилось к закату, окрашивая пики Ура-Ала в тревожный багрянец. Воздух становился густым и колючим; каждый вдох обжигал легкие, словно мелко накрошенный щебень. Высоко в вышине, над вечными снегами, парил одинокий орел. Он кружил над бездной, едва заметная точка на фоне пылающего неба, свободный и равнодушный к судьбам тех, кто полз внизу по израненному льду. Ульф нашел место для ночлега под нависшим каменным козырьком, который надежно укрывал от завывающего северного ветра. Снег здесь был выметен до самого камня.

— Здесь останемся, — коротко бросил он, сбрасывая тяжелую суму.

Они принялись за дело молча. Скванность, возникшая после их поспешного бегства, висела между ними невидимой стеной. После того, как Ульф нарубил сухих веток с поваленного ветром дерева, потом достал деревянный прут из сухого кедра и плоский кусок коры. Его мощные руки двигались ритмично и уверенно. Вскоре потянулся тонкий ручеек едкого дыма, и первая искра упала в заботливо приготовленный, руками Ингрид, пух. Ульф осторожно раздул её, и крохотный язычок пламени, сначала робкий и синий, жадно вцепился в сухие ветки. Ингрид опустила на шкуру рядом. С тихим вздохом она сняла со спины лук и колчан со стрелами — свое единственное сокровище и предмет выживания. Положив их рядом с собой на камни, она замерла, глядя, как огонь постепенно отвоевывает пространство у наступающей тьмы. Ульф достал кусок жесткого, вяленого мяса и протянул ей половину. Они ели в тишине, нарушаемой лишь треском костра и отдаленным гулом лавин в горах. Ингрид жевала медленно, почти не чувствуя вкуса. Ее глаза, черные и глубокие, как ночное небо над ними, были прикованы к Ульфу. Она рассматривала его, словно видела впервые. Огонь освещал его бороду, покрытую каплями талого инея, и бросал глубокие тени на волевое лицо. Он казался ей огромным и незыблемым, как та скала, под которой они укрылись. Чем дольше она думала о том, что он сделал — бросил теплое жилище, почет, сытую долю ради нее, калеки, — тем сильнее в ее груди разгоралось чувство, которому она не знала названия. Это было не просто признание его силы, это была щемящая, болезненная нежность, от которой перехватывало дыхание.

— Ульф... — ее голос прозвучал робко, почти сливаясь с шепотом ветра.

Он поднял на нее глаза.

— Зачем ты это сделал? — она крепче обхватила свои колени, стараясь не смотреть на свою подвернутую ногу. — Зачем ты пошел со мной? Ты — лучший охотник. Тебя бы ждала любая женщина в племени... здоровая, сильная. А я... ты же видел, как они на меня смотрят. Я обуза, Ульф. Зачем губить свою жизнь ради той, кто может уснуть навсегда в любом сугробе?

Ульф замер с куском мяса в руке. Он долго молчал, глядя в самое сердце пламени, словно подбирая слова, которые никогда не привык произносить. Охотнику легче было выследить зверя, чем высказать то, что копилось в душе годами.

— Я не мастер говорить, Ингрид, ты знаешь, — наконец глухо произнес он. — В племени... там все смотрят, но никто не видит. Они видят твоё колено, видят как ты засыпаешь в неподходящий момент. А я видел, как ты улыбаешься детям, когда думаешь, что никто не смотрит. Видел, как ты терпишь боль и не просишь помощи.

Он отложил еду и подался вперед, так что свет костра отразился в его глазах.

— Ты спрашиваешь, зачем? Да потому что без тебя в том племени для меня не осталось ничего живого. Только холодный закон и злые языки. Ты давно мне нравишься, Ингрид. Еще когда мы были детьми. Я... Я был тогда трусом. Боялся их смеха, боялся пойти против воли старейшин. Ждал чего-то.

Он горько усмехнулся и качнул головой.

— Когда вождь вынес тебе приговор, я словно проснулся. Понял, что если завтра я не увижу тебя в поселении, то и мне там дышать будет нечем. Я бы все равно выбрал тебя, даже если бы у нас был мир, полный еды и тепла. Но раз нам выпал лед — значит, будем делить лед.

Ингрид слушала его, и слезы, которые она так долго сдерживала, все же покатались по щекам, сверкая в свете костра. В этом суровом мире, где каждый был сам за себя, слова Ульфа были ценнее всего.

— Ульф, я... — она не договорила, лишь протянула руку и коснулась его заиндеветшего рукава.

— Не надо слов, — он осторожно накрыл ее ладонь своей огромной рукой. — Отдыхай. Завтра будет долгий переход. Теперь ты не одна. Спи, Ингрид. Я буду сторожить твой огонь.

Воздух за пределами их укрытия становился все холоднее, и снег под луной искрился мириадами сверкающих крошек, но здесь, у маленького костра, впервые за многие годы Ингрид почувствовала, что она наконец-то дома. Огонь разгорелся ярче, его оранжевые блики весело заплескали на черных волосах Ингрид и на суровом лице Ульфа. Сон, который обычно настигал девушку внезапно и властно, сейчас словно отступил, изгнанный теплом костра и тем невероятным чувством свободы, которое она обрела всего несколько часов назад. Ингрид под села ближе к пламени, обхватив колени руками. Она чувствовала себя непривычно живой. Ей хотелось говорить — впервые за долгие годы молчаливого изгнания внутри собственного племени.

— Знаешь, — начала она робко, чуть склонив голову набок, отчего длинная прядь волос упала ей на лицо, — я ведь видела, как ты на меня смотришь. Еще там, у общих костров. Все смотрели с жалостью или... ну, ты знаешь. А твой взгляд всегда был другим. Тяжелым, но теплым, как нагретый на солнце камень. Я часто думала: «Почему он не отворачивается, когда я спотыкаюсь?»

Она слабо улыбнулась и вдруг тихо, по-доброму рассмеялась, прикрыв рот ладошкой — жест, который Ульфу показался удивительно изящным.

— А помнишь, когда нам было по десять зим? — она заглянула ему в глаза, и в ее зрачках отразились искры костра. — Ты тогда решил доказать всем, что ты уже взрослый охотник, и полез на старую сосну за гнездом горного ястреба. Хотел подарить мне перо. Ты сорвался почти у самой вершины и рухнул прямо в глубокий сугроб, только одни унты торчали наружу. Я тогда так испугалась, что забыла про свою ногу — добежала до тебя и тащила за пятки, пока ты не вынырнул, весь облепленный снегом и с перепуганными глазами.

Ульф хмыкнул, его лицо разгладилось, а в уголках глаз собрались добрые морщинки. Он помнил это. Помнил, как она тогда смеялась — точно так же, как сейчас, только тогда в этом смехе не было теперешней горчинки.

Ингрид замолчала на мгновение, перебирая пальцами меховую оторочку своего одеяния. Ее пальцы были тонкими, но сильными — пальцы человека, привыкшего к тетиве.

— Все думали, что я только и умею, что спать да спотыкаться, — продолжила она уже серьезнее, глядя в огонь. — Когда я попросила у старого кузнеца железные наконечники для стрел, он только рассмеялся мне в лицо. Сказал: «Зачем переводить ценный металл на ту, кто не может пробежать и десяти шагов, не подвернув колено?». Мне было так обидно, Ульф... Но я не сдалась.

Она потянулась к своему колчану, лежащему рядом, и осторожно достала одну стрелу. На свету тускло блеснул наконечник из кованого железа.

— Я долго охотилась на лис, зайцев и белок в ближнем перелеске. Притаиться я умею лучше многих — в этом моя нога мне не мешала. За каждую шкурку зайца мне давали одну стрелу с каменным наконечником. А чтобы получить вот эту, с железным, — она нежно провела пальцем по металлу, — мне приходилось отдавать три лучшие шкурки зайцев или одну лисью. Другие девушки шили себе красивые воротники, а я копила стрелы с железными наконечниками. Старейшины считали это глупостью. Но стрела с камнем может отскочить от шкуры волка, а эта... эта не подведет.

Она подняла на него взгляд. В этом жесте — в том, как она рассказывала о своей маленькой, тайной войне за право быть полезной, — было столько достоинства, что Ульф почувствовал, как к горлу подступил комок. Он слушал ее, боясь пошевелиться. Его поразило то, с каким доверием она открывает ему эти мелочи, о которых никто в племени и не догадывался. Ингрид, которую все считали «балластом», оказалась человеком с такой волей, которая была не под силу многим крепким воинам. Он осознал: он первый, кому она решилась открыть свою душу. Первый, кому она показывает не свою слабость, а настоящую силу.

— Теперь у тебя будет столько железных наконечников, сколько ты захочешь, — глухо произнес Ульф. — Я найду для тебя лучшее железо в этих горах.

Ингрид смущенно улыбнулась и чуть покраснела, ее руки неловко поправили воротник. Она чувствовала, как между ними тает последняя преграда. Тот холод, который годами сковывал ее сердце, отступал под этим простым и искренним обещанием. Снаружи, за пределами их каменного козырька, мороз крепчал. Снег под лунным светом искрился, превращаясь в бесконечное поле звезд, а над острыми пиками гор продолжал кружить орел, охраняя их покой. Но здесь, у костра, время словно остановилось.

— Спасибо, Ульф, — прошептала она, и в этом шепоте было больше жизни, чем во всех криках их прежнего племени. — Расскажи и ты мне... О чем ты думал, когда нашел то странное железо, что сейчас на твоём поясе?

Она пытливо посмотрела на кусок металла висящем на поясе ее спутника, который Ульф называл даром древних, и ее любопытство было таким живым и детским, что Ульф невольно потянулся к металлической пластинке, чувствуя, что в эту ночь он готов рассказать ей все.

Ульф медленно развязал шнурок на поясе и положил плоский кусочек металла на ладонь. В свете костра он тускло блеснул холодным, серым цветом. Он не был похож на грубое железо, из которого кузнец племени ковал наконечники для стрел — этот металл был невероятно гладким, легким и за долгие века во льду не покрылся ржавчиной.

— Я нашел его много лун назад, — начал Ульф, и его голос в тишине пещеры звучал почти как молитва. — Это было у подножия «Черных Хребтов», там, где старый лед никогда не тает. Я выслеживал горного козла и заметил, как в трещине глубокого синего льда что-то сверкнуло. Сначала я подумал, что это глаз замерзшего духа, который смотрит на меня из прошлого.

Он протянул ладонь ближе к Ингрид, чтобы она могла рассмотреть находку, но не спешил отдавать в руки — слишком велика была ее значимость в его глазах.

— Я вырезал его ножом. Лед там был твердый, как гранит, но этот кусочек... он будто сам просился наружу. Посмотри на эти знаки, Ингрид.

Он указал на таинственные символы, которые для него были будто священными.

— Видишь эти линии? — он коснулся пальцами незнакомого символа — Шаманы говорят, что такой знак ставят там, где пересекаются пути живых и мертвых. А эти ровные ряды маленьких знаков... они похожи на застывшие слова тех, кто жил до Великого Холода. Я верю, что это не просто украшение. Это голос предков, который замолчал, но не исчез.

Ингрид подалась вперед, почти касаясь лицом его ладони. Ее дыхание окутывало металл легким облачком пара. Для нее, выросшей на легендах о «Теплом веке», когда все было иначе, этот предмет казался слабым отголоском чего-то важного, но забытого в веках.

— Когда я держу его, — продолжал Ульф, и его пальцы чуть дрогнули, — мне кажется, что я не просто охотник из гибнущего племени. Я чувствую, что где-то там, за ледяными стенами Ура-Ала, есть мир, который помнит этот металл. Мир, где земля не была такой злой. Знаешь, Ингрид... в ту ночь, когда старейшины объявили тебе приговор, я сжимал этот знак в кулаке. И мне показалось, что он стал теплым. Будто он подталкивал меня: «Иди. Не оставляй ее. Твой путь не здесь».

Он снова закрепил шнурок на поясе, и таинственный предмет исчез в складках меха, но ощущение тайны осталось в воздухе, смешиваясь с запахом кедрового дыма.

— Я не знаю, что там начертано, — признался Ульф, глядя на Ингрид с несвойственной ему открытостью. — Но я верю, что старый шаман-отшельник сможет прочесть эти знаки. Говорят, он видит сквозь время. Если он пришел ко мне из льда, значит должен привести нас к спасению. К земле, где костры не гаснут от одного дыхания ветра.

Ингрид слушала его, затаив дыхание. Морозный воздух за пределами их укрытия заставлял скалы трещать, и этот звук заставлял вздрагивать. Снег под луной искрился так ярко, что казалось, будто звезды упали на землю и застыли.

Она посмотрела на Ульфу — на его обветренные губы, на искренность в его глазах — и поняла, что этот маленький кусочек железа стал для него символом веры. И ей было все равно,

была ли в нем какая то тайна или нет. Главной силой для нее было то, что этот «знак древних» дал Ульффу смелость забрать ее из тьмы.

— Мы найдем его, Ульф, — тихо сказала она, кладя свою ладонь поверх его руки. — Мы найдем шамана. И если этот знак обещает тепло — я верю ему так же, как верю тебе.

Ульф накрыл ее руку своей. Над ними, за каменным сводом, вечное небо Ура-Ала переливало холодным светом, а где-то далеко, на самом краю горизонта, дрожало слабое сияние — предвестник новой бури или, возможно, того самого пути, который им еще только предстояло открыть.

Глава 3

Солнце стояло высоко, преображая бескрайние снега Ура-Ала в сплошное сверкающее море, от которого слезились глаза. Мороз крепчал, и каждый выдох превращался в густое белое облако, оседающее инеем на меховых воротниках.

Они шли уже несколько часов. Ульф прокладывал тропу, наступая мощными унтами в глубокий наст, а Ингрид старалась попадать точно в его след, чтобы сберечь силы. Ее левое колено сегодня ныло чуть сильнее обычного, но она не подавала виду, согретая вчерашним разговором и тем новым, робким чувством, что теплилось в груди.

— Уль... — тихо позвала она, и это сокращение его имени прозвучало так естественно, что охотник невольно замедлил шаг. — А правда, что за Великим Хребтом небо падает прямо в незамерзающую воду? Мне старая Хельга в детстве рассказывала, будто там вечное лето.

Ульф обернулся, его обветренное лицо чуть смягчилось.

— Старики много чего говорят, Ингрид. Но я верю, что где-то есть место, где горы не так суровы к людям. Мы найдем его, вот увидишь.

Они рассмеялись какой-то простой шутке о проворных зайцах, и этот звук, живой и теплый, казался чужеродным среди ледяного безмолвия. Но вдруг Ульф замер, вскинув руку. Ингрид мгновенно затихла, затаив дыхание.

Впереди, на небольшом возвышении, заросшем редким кустарником, стоял он. Молодой олень. Его шкура была цвета осенней коры, а ветвистые рога, похожие на узор из застывших ветвей, гордо возвышались над головой. Животное замерло, наострив уши. Олень был полон такой первозданной грации и силы, что на мгновение показался призраком из тех самых легенд о старом мире. Он смотрел прямо на путников, и в его больших влажных глазах не было страха, только настороженное любопытство.

Замешательство Ингрид длилось лишь миг. Пока Ульф только потянулся к топору за спиной, девушка уже скользнула за его широкое плечо.

— Ули, не спугни... — едва слышным шепотом выдохнула она ему в самую спину.

Движения ее были отточены тысячами тайных тренировок. Она не чувствовала боли в колене, не чувствовала холода. Лук, сделанный из гибкого тиса, мягко лег в руку. Она выхватила из колчана ту самую стрелу — с драгоценным железным наконечником, за который отдала столько трудов.

Ингрид на мгновение вышла из-за спины Ульфа, замирая в устойчивой позе. Тень сосредоточенности легла на ее бледное лицо. Тетива певуче звякнула. Стрела прочертила в морозном воздухе невидимую линию и с глухим звуком вошла точно в шею зверя.

Олень даже не успел вздрогнуть. Он просто осел в снег, его жизнь угасла мгновенно, не оставив места для мучений.

Ульф стоял, не в силах пошевелиться от неожиданности. Все произошло так быстро, что он даже не успел осознать начало охоты. Он посмотрел на Ингрид, которая уже опустила лук, тяжело дыша, и ее черные глаза все еще горели азартом и тревогой.

— Это было... быстро, — наконец выдавил он, глядя на поверженного красавца-оленя. — Но, Ингрид, разделка туши отнимет у нас слишком много времени. Скоро сумерки, нам нужно искать укрытие.

Девушка подошла к нему и осторожно взяла его большую ладонь в свои. Ее руки были холодными, но прикосновение — мягким и просящим. Она подняла на него свой ясный, мудрый взгляд.

— Ульф, — робко начала она, — мы не обговорили это раньше, но... я все думала о том человеке, к которому мы идем. О шамане-отшельнике. Я слышала от стариков, что к тем, кто видит сквозь время, нельзя приходить с пустыми руками. Мы просим его открыть нам великую тайну, а что мы дадим взамен?

Она чуть сжала его пальцы, подбирая слова так осторожно, словно ступала по тонкому льду, боясь уязвить его гордость охотника и защитника.

— Увидев этого оленя, я побоялась его упустить. Да, разделка займет время, но посмотри... У нас будет его теплая шкура, мы сможем сделать новые подстилки. Его рога и череп — шаманы любят такие вещи для своих обрядов. У нас будет свежее мясо, жир для огня и желчь для его снадобий. Может быть, в его костях он увидит то, чего не видим мы.

Она замолчала, склонив голову, смиренно и нежно ожидая его решения. Ульф смотрел на нее, и внутри него что-то перевернулось. Он ожидал увидеть в ней радость от удачного выстрела, но увидел глубокую предусмотрительность женщины, которая уже сейчас заботилась об их общем будущем.

Ее слова не были упреком его нерешительности. Напротив, в ее голосе звучало такое безграничное доверие к его силе, что он почувствовал себя еще мощнее. Она не пыталась стать выше него — она стала его мудрым продолжением, его глазами там, где он видел только трудности пути.

Ульф был поражен. Эта «Подломленная» девушка, которую племя выбросило как ненужный груз, обладала сердцем великой матери и разумом вождя. Ее авторитет в его глазах вырос до небесных пиков Ура-Ала.

— Ты права, Ингрид, — серьезно ответил он, накрывая ее руки своей ладонью. — Твой ум острее твоих стрел. Я не подумал о дарах, я лишь хотел поскорее увести тебя в тепло. Но ты права... Мы пойдем к шаману не как нищие изгнанники, а как охотники, несущие достойную дань.

Он достал нож и посмотрел на тушу оленя, а затем снова на Ингрид.

— Помоги мне. Вместе мы управимся быстрее.

Ингрид улыбнулась — искренне, светло, и в этой улыбке Ульф окончательно нашел свой дом. Среди снегов, под присмотром парящего в вышине орла, они начали свою первую общую работу, понимая, что теперь они — не просто двое беглецов, а настоящая пара, где сила одного дополняется мудростью другого.

Сгущающиеся сумерки принесли с собой колючий холод, но работа у подножия скалы кипела. Ульф, обнажив по локоть сильные руки, уверенно орудовал ножом. Пар от туши оленя поднимался густыми белыми клубами, смешиваясь с их тяжелым дыханием.

Ульф был привычен к разделке — это была мужская, суровая работа, требующая силы и сноровки. Но в этот раз все было иначе. Ингрид не просто стояла рядом — она стала его тенью, его второй парой рук. Стоило ему только подумать, что нужно подтянуть тяжелую шкуру, как ее тонкие, но цепкие пальцы уже перехватывали край меха в нужном месте. Когда нож требовал смены угла, она уже придерживала ногу зверя, создавая идеальное натяжение.

В какой-то момент Ульф поймал себя на мысли, что он поражен. Ее действия опережали его собственные намерения. Она не ждала команды, не спрашивала «что делать?». Ее острая смекалка и внимание к каждому его движению были подобны чтению мыслей. «Она будто залезла мне в голову», — пронеслось в уме охотника. Там, где раньше он справлялся один, потев и тратя лишнее время, теперь работа шла со сверхъестественной легкостью. Благодаря ее безмолвной, точной помощи, они успели отделить лучшие куски мяса, свернуть шкуру и собрать дары для шамана как раз к тому моменту, когда Ура-Ал окончательно погрузился во тьму.

Добравшись до укрытия, они развели огонь. Пламя весело затрещало, отгоняя ледяной мрак. Ингрид, несмотря на усталость и ноющее колено, мягко отстранила Ульфа от костра.

— Сиди, Уль. Ты сегодня сделал самую тяжелую работу, — прошептала она, и в ее голосе была такая забота, спорить с которой было невозможно.

Она принялась за готовку. Ее руки, только что помогавшие в кровавой разделке, теперь с удивительной нежностью и ловкостью нанизывали куски оленины на тонкие ветки. Ульф откинулся на шкуры, наблюдая за ней сквозь пляшущие языки огня.

В его душе будто рушились старые льды. Он смотрел на Ингрид и чувствовал, как внутри него все переворачивается. То чувство, когда изумление перемешивается с глубочайшим осознанием: «Я не ошибся».

За эти несколько дней, что они были в пути, образ той «хрупкой Подломленной», которую он хотел просто спасти и защитить, начал стремительно меняться. К его прежнему сочувствию и симпатии добавлялись новые, мощные слои. Он видел перед собой не просто спутницу, а женщину, на которую мог положиться так же, как на самого себя. В ее движениях у костра, в том, как она по-хозяйски распорядилась их скромным бытом, он вдруг увидел нечто большее.

В его сознании образ Ингрид начал приобретать черты, о которых он раньше и не смел мечтать. Она одновременно олицетворяла для него все: верного друга, чье плечо оказалось надежнее камня; мудрую жену, способную делить с ним не только будущее ложе, но и труд; и ту материнскую силу, что согревает и оберегает саму жизнь в этом ледяном аду.

Ульф чувствовал небывалый подъем. Это было осознание мужской удачи, которая случается раз в жизни — найти в одной женщине целую вселенную. Его сердце, привыкшее к суровости и одиночеству охотника, теперь билось с новой силой. Он понял, что теперь не он один ведет ее — они идут вместе, как две части одного целого. И эта мысль грела его сильнее, чем жаркий костер и сочное мясо, томящееся на огне.

Ингрид повернулась к нему, ее лицо, озаренное рыжим светом, сияло тихой радостью.

— Скоро будет готово, — улыбнулась она.

А Ульф лишь молча смотрел на нее, боясь спугнуть это мгновение, в котором он окончательно понял: его путь с этой женщиной — это лучшее, что когда-либо случалось под небом Ура-Ала.

Запах поджаренного на углях мяса — густой, дразнящий, с легкой ноткой дикого дыма — заполнил все укрытие, вытесняя запах морозной хвои. Жир с оленины с тихим шипением

капал в угли, вспыхивая крохотными яркими звездами. Ингрид, сосредоточенно вороша ветки, следила за тем, чтобы каждый кусок покрылся румяной корочкой, оставаясь нежным внутри.

Когда первая порция была готова, она не просто протянула еду Ульфу, а сделала это с какой-то особенной, почти торжественной заботой. Выбрав самый лучший, сочный кусок, она подала его мужчине, внимательно следя за тем, чтобы он не обжегся.

— Ешь, Уль, — тихо произнесла она, и в этом коротком приглашении было столько тепла, сколько не давал весь их костер.

Пока Ульф ел, Ингрид лишь пригубила свой кусок, больше наблюдая за ним, чем думая о еде. В рыжих бликах огня он казался ей огромным, почти мифическим существом. Она видела его натруженные, сильные ладони, на которых запеклась пыль долгого пути. Она видела, как играют мускулы под его тяжелыми шкурами, и в ее душе рождалась странная, непривычная гордость.

Раньше она видела в Ульфе только защитника, доброго великана, который отгонял от нее обидчиков. Но сейчас, в тишине этого укрытия, ее понимание его глубины начало меняться. Она заметила, с какой ловкостью и точностью он работал при разделке туши — ни одного лишнего движения, ни одной капли потраченных зря сил. В этом была не просто грубая мощь, а настоящая грация хищника, совершенного в своем деле.

«Этот человек... этот великий воин... он здесь, со мной», — пронеслось в ее голове.

Ингрид чувствовала, как внутри нее растет волна бесконечного счастья, смешанного с благоговением. Она смотрела на Ульфу и понимала: то, что он сделал, перечеркнув свою прошлую жизнь ради нее, было не просто поступком — это был дар самих Небес. Впервые за всю свою жизнь она чувствовала себя не «Подломленной», не ошибкой природы, а сокровищем, которое этот могучий мужчина решил спрятать от всего мира и беречь.

Ее страх перед будущим, который еще недавно колот сердце ледяными иглами, теперь казался чем-то далеким и несущественным. Глядя на спокойное, сосредоточенное лицо Ульфы, Ингрид осознала: пока он рядом, даже самые яростные бураны Ура-Ала не смогут ее сломить. С ним она чувствовала себя в безопасности, которую не могли дать костры ни одного племени.

Она поймала себя на мысли, что ей нравится ухаживать за ним. Ей нравилось видеть, как ее внимание смягчает его суровый взгляд. В этот миг она открыла в себе новую силу — не силу лука или стрел, а силу женщины, способной создать дом там, где есть только холодный камень и снег.

— Знаешь, — прошептала она, когда их взгляды встретились над пламенем, — я никогда не думала, что в горах может быть так... спокойно. Будто весь мир остался где-то там, во тьме, а здесь — все, что мне нужно.

Она улыбнулась ему, и в этой улыбке не было ни тени прежней робости. Была только тихая уверенность в том, что этот мужчина — ее судьба, ее щит и ее истинный путь. Ингрид чувствовала, что с каждым мгновением, проведенным у этого костра, она становится сильнее, словно питаюсь его силой и его непоколебимой верой в них обоих.

Глава 4

Утро над Ура-Алом занялось тихое, пронзительно-ясное. Солнце еще не показалось из-за острых пиков, но небо уже окрасилось в нежный цвет спелой клюквы, и каждая снежинка на склонах вспыхнула, как крохотный алмаз. Воздух был настолько чистым и морозным, что казался хрупким, готовым лопнуть от любого громкого звука.

Ингрид хлопотала у костра. Дым от свежих веток тянулся ровной серой лентой вверх, к застывшему небу. Она снова жарила мясо, и шипение жира на углях было единственным звуком, нарушавшим величие горной тишины.

Ульф подошел к ней, поправляя на плече ремень своего тяжелого топора. Он долго смотрел, как она ловко переворачивает куски оленины, а потом присел рядом на корточки.

— Ингрид, — начал он, и голос его звучал по-особенному мягко. — Я решил. Нам нельзя уходить сегодня. Мы останемся здесь на несколько солнц.

Девушка подняла на него свои темные глаза, в которых отражалось пламя.

— Но разве нам не нужно спешить к шаману, Уль? Путь неблизкий, а холод не ждет.

— Ждет, — серьезно ответил Ульф. — Холод всегда ждет. Но я видел, как ты дрожала этой ночью. Хоть ты и говоришь, что тебе тепло, но я-то видел... — он отвел взгляд на заснеженные склоны. — Нам нужны волокуши. На плечах оленя не унесешь, а бросать дары нельзя. И шкуру... её надо очистить от жира и жил, размять, пока не застыла ледяным комом. Она станет твоей постелью. Я не хочу, чтобы ты снова мерзла на голых камнях.

Ингрид почувствовала, как к горлу подступил теплый комок. Он заботился не о скорости пути, а о ее сне, о ее теле, которое другие считали лишь обузой.

— Спасибо, — прошептала она, и в ее взгляде было столько нежности, что Ульф поспешно поднялся, скрывая смущение за работой.

После завтрака тишину ущелья нарушил мерный, звонкий стук топора. Ульф ушел чуть ниже по склону, к низкорослым, кряжистым деревьям. Он выбирал самые крепкие стволы, обрубал ветки, готовя длинные жерди для волокуш — тех самых скользящих носилок, что должны были принять на себя груз их новой жизни.

Ингрид не могла сидеть без дела. Она видела, как Ульф отбрасывает в сторону гибкие ветви и густые лапы хвои, считая их мусором. Для нее же это был строительный материал.

— Уль, дай мне свой малый нож и тот топорик, что на поясе, — попросила она, подойдя к нему.

Получив инструмент, она принялась за работу. Пока Ульф ладил крепления для волокуш, связывая жерди полосками сыромятной кожи, Ингрид сооружала их первый общий «дом». Она сплетала каркас из тонких веток, втыкая их в расщелины камней под навесом скалы. Ее пальцы двигались быстро, ловко. Она укрывала остов густым, пахучим лапником, создавая плотную кровлю, способную удержать тепло костра и защитить от колючего снега.

В какой-то момент Ингрид замерла, прислушиваясь. Издалека, со стороны замерзшего русла реки, донесся протяжный, тоскливый вой. Один голос, потом другой... и тишина.

— Слышал? — она посмотрела на Ульфа. — Волки. Совсем близко.

Ульф на мгновение перестал тесать дерево. Он поднял голову, принялся к ветру, а потом уверенно кивнул.

— Слышал. Но не бойся. Духи предков сейчас смотрят на нас, Ингрид. Видишь, как стих ветер? Как солнце освещает наш путь? Они благосклонны к тем, кто нашел в себе силы уйти. Они уводят стаи в сторону, подальше от нашего огня.

— Хотелось бы верить, — она улыбнулась, и работа снова закипела.

К середине дня дело было сделано. Перед укрытием стояли надежные, крепкие волокуши, а под сводом скалы красовался уютный навес из хвои. Они оба тяжело дышали, но это была приятная усталость.

Глядя на плоды их общего труда, Ульф вдруг осознал то, чего не понимал в племени. Раньше работа была обязанностью, способом не умереть с голоду. Теперь же каждое движение — его топора или ее ножа — было наполнено смыслом. Они заботились не о себе. Он строил для нее, она — для него. И в этом простом созидании рождалось что-то необъяснимо мощное, объединяющее их крепче, чем любые законы старейшин. Они больше не были двумя одиночками. Они были парой, создающей свой мир среди вечных льдов.

Ульф посмотрел на Ингрид. Ее щеки разругались от работы, на волосах блестели капли растаявшего инея. Она закончила настилать хвойные лапы внутри навеса и обернулась к нему, сияя радостью. — Теперь нам не страшен даже самый лютый буран, Уль.

Он молча кивнул, чувствуя, как в груди разливается странное, незнакомое тепло.

— Теперь, — сказал он, — пора браться за шкуру. Она должна стать мягкой, как облако, прежде чем мы двинемся дальше.

После трапезы, оставившей во рту приятное послевкусие жареной оленины, они принялись за шкуру. Солнце уже перевалило за зенит, но холод все еще цепко держался за скалы. Обработка шкуры — дело долгое и кропотливое. Ульф разложил ее на ровном камне, прижимая края тяжелыми булыжниками. Он достал свой большой скребок из оленьего рога, острый и зазубренный, и принялся тщательно соскабливать остатки жира и мядры с внутренней стороны.

Ингрид, как и прежде, была рядом. Ее тонкие пальцы, проворные и точные, подчищали то, что пропускал Ульф, используя маленький нож. Она убирала самые мелкие жилки, чтобы шкура получилась чистой и податливой. Работа была грязной, липкой, но они делали ее слаженно. Запах сырой шкуры смешивался с ароматом хвои из их нового навеса и легким дымом от костра.

— А отец мой говорил, — произнесла Ингрид, аккуратно соскребая тонкий слой жира, — что шкура, которую не ободрать сразу, становится жесткой, как лед. И никакие усилия потом не помогут ее размягчить.

Ульф кивнул, его взгляд был сосредоточен на работе.

— Старый Ким прав. Так и с человеком. Если душа замерзнет, потом ее не согреть.

Ингрид подняла на него глаза, и их взгляды встретились над тушей зверя. Ее щеки были испачканы, но взгляд светился каким-то новым, внутренним светом.

— Знаешь, Ульф... я раньше не задумывалась об этом. Но сейчас, когда ты говоришь про замерзшую душу... — она вдруг замерла, скребок выпал из ее ослабевших пальцев. Глаза ее округлились, расширились, в них промелькнуло такое удивление, что Ульф вскинул голову.

— Что случилось, Ингрид? Зверь? — Он мгновенно насторожился, рука инстинктивно потянулась к топору.

— Нет, Ульф, — прошептала она, и голос ее дрожал от внезапного осознания. Она смотрела на него так, будто увидела впервые.

— Нет... это не зверь. Я... я только сейчас поняла. С того дня, как мы ушли... со мной не было ни одного случая внезапного сна.

Она сделала паузу, не в силах сразу закончить мысль, переводя дыхание.

— Не было... внезапного сна. Ни разу. Ни разу я не провалилась в эту черноту. Ни разу не уснула посреди дня, не упала, не потеряла себя. Ни разу!

Ее голос повысился от изумления и радости. Ингрид была ошеломлена. Это было настолько привычной частью ее жизни, что она даже не замечала его отсутствия.

Ульф смотрел на нее, и его сердце на мгновение остановилось, а потом забило с утренней силой. Он медленно опустил руку и положил скребок. Он видел, как она всегда боролась с этим недугом, как ее тело предавало ее в самый неподходящий момент. И сейчас... не было.

Он ближе подсел к ней, взял ее за плечи. В его глазах отражался трепет.

— Значит... значит, то, что я тебе говорил, правда, Ингрид. Ты ведь не была обузой. Ты была одинокой. А теперь... теперь ты не одна.

Он осторожно, но крепко прижал ее к себе. Ее голова опустилась ему на плечо. В этот момент Ульф чувствовал небывалый прилив тепла. Не только от костра или солнца, но от того, что его выбор, его вера в эту женщину оказалась не напрасной. Его сердце ликовало. Ее болезнь, ее проклятие, которое племя использовало как оружие против нее, теперь отступило. Просто потому, что она нашла свой покой. С ним.

— Я... я не знаю, что сказать, Ульф, — ее голос был приглушен его меховым воротником. — Я думала, это моя судьба. А ты... ты все изменил.

Ульф погладил ее по волосам.

— Твоя судьба не в болезни, Ингрид. Твоя судьба — здесь, со мной. И мои руки, мои глаза, мой топор — всегда будут рядом. Теперь твой огонь горит ярко, и я не позволю ему погаснуть. Никто не посмеет его погасить.

Над ними, в безоблачном небе Ура-Ала, висел одинокий, безмолвный орел. Морозный воздух звенел от тишины, но в этой маленькой пещере, у запаха сырой шкуры и тлеющего костра, горел новый, живой огонь — огонь взаимной веры и зарождающейся, мощной любви, которая уже начинала творить чудеса.

Они сидели так долго, прижавшись друг к другу на холодных камнях Ура-Ала, и тепло их тел казалось сейчас сильнее, чем жар любого костра. Ульф чувствовал, как дрожь Ингрид постепенно утихает, сменяясь спокойным, ровным дыханием.

В голове Ингрид в эти минуты мысли текли медленно и ясно, подобно чистой воде горного ручья. Она вспоминала лица старейшин, суровый голос вождя и те слезы, что она пролила, перед уходом из поселения. Теперь все это казалось ей не проклятием, а странным, пугающим, но необходимым благословением. Если бы не изгнание, она бы так и осталась «Подломленной», живущей в вечном страхе перед насмешками. Она никогда бы не узнала, что этот могучий мужчина, чей топор заставлял трепетать врагов, может быть таким нежным.

«Это был путь, — думала она, закрыв глаза. — Каждое звено в цепочке: и моя болезнь, и костер, который потух на посту, и гнев племени — все это вело меня сюда. К этому человеку. К этой свободе от внезапного сна, который больше не крадет мои дни». Она поняла, что теперь начинается ее истинная жизнь, о которой она не смела и мечтать, пока была частью племени.

Но работа не ждала. Солнце начало клониться к вершинам, и им нужно было закончить со шкурой. Они снова взялись за скребки. Работа спорилась: Ульф сильным нажимом снимал последние слои мядры, а Ингрид точными движениями подчищала края.

Вокруг них начали собираться горные птицы и мелкие зверьки, привлеченные запахом свежего жира. Ингрид, чья душа теперь была полна радости, то и дело бросала обрезки мяса и кусочки жира пернатым нахлебникам. Одна смелая птица с ярко-синими перьями подлетела совсем близко, выхватив лакомство почти из рук девушки.

Ингрид звонко рассмеялась. Этот звук отразился от скал и наполнил ущелье жизнью. Ульф замер, глядя на нее. Для него этот смех не был похож ни на что, слышанное прежде. Этот звук был для него краше, чем весенняя капель или пение лесного ручья, пробивающегося сквозь ледяной панцирь. Этот смех был как первое дыхание тепла после бесконечной зимы — он согревал его изнутри лучше, чем шкуры или огонь.

К вечеру, когда тени стали длинными и синими, шкура была очищена. Она стала чистой, пахнувшей жиром и свежестью. Они немного размяли ее, чтобы она не застыла к утру, и перенесли под свой новый навес.

Ужин проходил в тихом уюте их маленького жилища. Оленину они ели не спеша, наслаждаясь теплом костра.

— Знаешь, Уль, — сказала Ингрид, грея руки о чашу с горячим отваром из хвои, — я сегодня впервые не боюсь ночи. Раньше я боялась закрывать глаза, потому что не знала, проснусь ли я завтра той же Ингрид, или внезапный сон снова заберет у меня часть жизни. А теперь я знаю: ты здесь. И даже если я усну, ты будешь сторожить мое утро.

Ульф посмотрел на нее сквозь пламя. Его лицо было спокойным и суровым, но в глазах светилась та самая преданность, которую не нужно доказывать словами.

— Тебе больше не нужно бояться, — коротко ответил он. — Я буду здесь. И завтра, и во все солнца, что нам суждено пройти по Ура-Алу. Мы дойдем до шамана, Ингрид. Мы узнаем тайну этого знака на моем поясе. Но главную тайну мы, кажется, уже нашли.

Они долго сидели в тишине, слушая, как где-то далеко в горах трещат от мороза старые кедры, и чувствовали, что этот маленький навес из хвои — самое надежное место во всем огромном, замерзшем мире.

Глава 5

Утро встретило их густым, как парное молоко, туманом, который окутал склоны Урала, превращая мир в белое безмолвие. Мороз не отступил, но ветер стих, и тишина стояла такая, что было слышно, как глубоко под снегом лопаются от холода камни.

После быстрого завтрака они принялись за главное дело. Шкура оленя, очищенная вчера, за ночь подсохла и стала жесткой, неподатливой, словно лист древесной коры. Чтобы она превратилась в мягкое ложе, ее нужно было «оживить» — долго и упорно разминать каждый волосок, каждую жилку.

Ингрид взялась за костяной скребок, вырезанный из старого ребра. Она работала методично, с силой надавливая на внутреннюю сторону шкуры, разбивая заскорузлые волокна. Ульф сидел напротив, удерживая край кожи своими мощными руками, создавая нужное натяжение. В тесном пространстве навеса, наполненном запахом хвои и сырого меха, их колени почти соприкасались.

— Посмотри, Уль, — Ингрид вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, — здесь, у шеи, она поддается труднее всего. Тут была самая толстая кожа. Олень был сильным, он привык гордо держать голову.

Ульф молча наблюдал за ее движениями. Его поражало ее терпение. Он видел, как напрягаются ее тонкие руки, как сосредоточенно закусена губа. В племени женщины часто ворчали на такую работу, стараясь спихнуть ее друг на друга. Ингрид же трудилась так, будто создавала не подстилку, а великое полотно.

В какой-то момент он заметил, что ее движения замедлились. Пальцы Ингрид, покрасневшие от холода и постоянного трения о кость, начали подрагивать. Она попыталась перехватить скребок поудобнее, но рука соскользнула.

— Погоди, — негромко сказал Ульф.

Он отложил шкуру и взял ее ладони в свои. Они были ледяными, несмотря на работу, и совсем крошечными в его огромных, мозолистых руках. Ульф поднес их к своему лицу. Ингрид замерла, ее дыхание пресеклось. Он не просто грел их — он бережно обхватил ее пальцы, прижимая их к своим губам и согревая горячим, глубоким дыханием.

Это было так естественно и в то же время так пронзительно нежно, что в глазах Ингрид зашипало. Она смотрела на его склоненную голову, на иней в бороде, и чувствовала, как тепло от его дыхания разливается по всему телу, до самого сердца. В этом жесте было больше любви, чем во всех словах, что он мог бы сказать. Он не просто грел ее руки — он признавал ее право на усталость, он сопереживал ее боли.

— Теперь лучше? — спросил он, поднимая взгляд.

— Да... — прошептала она, не спеша отнимать руки. — С тобой всегда теплее, Уль.

Они вернулись к работе, но теперь напряжение окончательно исчезло, сменившись тихой радостью созидания. Под их общими усилиями шкура начала «сдаваться». Она светлела, становилась бархатистой и мягкой, как летняя трава.

— Уль, — вдруг заговорила Ингрид, продолжая мерно водить скребком, — а когда мы найдем шамана... когда все это закончится... где бы ты хотел остановиться?

Ульф на мгновение задумался. Раньше его домом было племя, его домом была дорога.

— Я не знаю. Там, где зверь идет на водопой, и где скала закрывает от ветра. А ты?

Ингрид улыбнулась, и ее взгляд устремился куда-то сквозь стены их навеса, в неведомое будущее.

— Я видела во сне долину. Далеко к югу, где Ура-Ал становится ниже. Там есть река, которая не замерзает до самой середины зимы, и много кедровника. Там мы могли бы поставить крепкий чум. Не временный, как этот, а настоящий. С очагом посередине, чтобы дым уходил в небо, а не ел глаза. Я бы посадила вокруг колючие кусты с красными ягодами...

Она говорила, а Ульф слушал, и в его воображении эта долина обретала плоть и кровь. Он видел, как он возвращается с охоты к этому чуму, видел дым, поднимающийся над кедрами, и знал, что там его ждет она. Это было уже не просто выживание — это была мечта о доме, о месте, где они будут не изгнанниками, а хозяевами своей судьбы.

— Мы найдем твою долину, Ингрид, — твердо сказал он. — Если она есть под этим небом — мы ее найдем.

К обеду шкура была закончена. Она была великолепна — огромная, теплая, пахнувшая чистотой и их общим трудом. Ульф аккуратно сложил ее и закрепил на волокушах поверх остального груза.

— Пора, — сказал он, оглядывая небо. — Туман рассеивается, нужно пройти еще несколько лиг до заката.

Когда они вышли из укрытия и начали собираться в путь, Ульф невольно засмотрелся на Ингрид. Она поправляла лук за спиной, проверяла крепления на унтах. И в том, как она стояла, что-то изменилось. Ее левое колено все так же привычно подворачивалось внутрь, и она по-прежнему припадала на ногу при каждом движении — эта отметина судьбы останется с ней навсегда. Но в ее осанке больше не было прежней приниженности.

Она не втягивала голову в плечи, не опускала глаза в снег, словно извиняясь за свое существование. Теперь она стояла прямо, ее подбородок был поднят, а взгляд — ясен и тверд. В ней появилось то спокойное достоинство, которое бывает только у людей, знающих, что их любят и ценят. Хромота больше не делала ее слабой; она казалась лишь особенностью ее походки, как изгиб русла у горной реки.

Ульф подал ей руку, помогая преодолеть первый крутой подъем от их стоянки. Ингрид оперлась на его ладонь, и он почувствовал, как уверенно она держится.

— Идем, Уль, — сказала она, улыбнувшись ему. — Путь долог, но мне кажется, горы сегодня стали немного ниже.

Он хмыкнул, впрягаясь в лямки волокуш. Горы остались прежними, но они сами стали другими. Впереди их ждали вечные снега, опасные перевалы и загадочный старец, но сейчас, шагая по хрустящему насту Ура-Ала, Ульф знал: из всех сокровищ древних, что он мог бы

найти в этих льдах, самое ценное он уже держит за руку. И никакая буря не сможет отобрать у него это новое, удивительное чувство дома, которое они построили вдвоем среди ледяной пустыни.

День начался с тяжелого, упорного труда. Солнце, едва пробившись сквозь пелену облаков, не грело, а лишь слепило, отражаясь от бескрайних снегов Ура-Ала. Под полозьями волокуш снег не просто хрустел — он издавал натужный, жалобный скрип, похожий на стон самого камня.

Ульф шел впереди, низко наклонившись и впрягшись в кожаные лямки. Каждое движение давалось ему с трудом: груз оленьего мяса, шкуры и даров для шамана тянул назад, вгрызаясь полозьями в рыхлый наст. Его дыхание вырывалось из груди густыми белыми клубами, иней густо покрыл бороду и брови, превращая лицо охотника в суровую маску северного духа.

Путь был мучительно медленным. Ингрид шла чуть позади, стараясь попадать в его глубокие следы. Она видела, как вздуваются жилы на шее Ульфа, как напрягается его спина под тяжелыми шкурами. В какой-то момент, когда волокуши особенно глубоко зарылись в снег на небольшом подъеме, она решительно шагнула вперед.

Не говоря ни слова, она перехватила свободный край лямки и навалилась всем своим весом, помогая вытащить груз. Ульф вздрогнул, хотел было остановить ее, обернувшись с протестом в глазах — он все еще по привычке стремился оградить ее от любой тяготы. Но встретив ее твердый, решительный взгляд, промолчал. Он лишь чуть подвинулся, освобождая ей место рядом с собой.

Теперь они шли в паре. Две тени на белом полотне гор, связанные одной упряжью. Снег скрипел под их общими усилиями, и этот ритмичный звук стал биением их общего сердца. Говорить не хотелось — морозный воздух обжигал горло, а силы были нужны для каждого шага. В этой тишине заговорили их мысли.

Ульф чувствовал тепло ее плеча совсем рядом. «Она не просто идет за мной, — думал он, мерно толкаясь ногами в снег. — Она тянет эту ношу вместе со мной. Раньше я думал, что буду ее щитом, ее единственной опорой. Но теперь я вижу... она сама — моя опора. Без нее этот груз был бы просто мясом и костями, а с ней — это наше будущее». Он чувствовал странную гордость от того, как уверенно она держит лямку, несмотря на свою хромоту и хрупкость.

Ингрид же в эти минуты чувствовала, как ее собственная сила прибывает от близости Ульфа. «Как он терпелив, — думала она, глядя на его мощный профиль. — Другой бы уже проклинал тяжелую ношу или слабую спутницу. А он идет, как идет само время — неумолимо и верно. Я не позволю ему нести все одному. Моя нога может спотыкаться, но мои руки крепки, а сердце больше не знает страха».

Во время короткой остановки, чтобы перевести дух, Ингрид внимательно посмотрела на полозья волокуш, к которым плотно прилип подтаявший и замерзший снег.

— Ульф... — голос ее был хриплым от холода, но ясным. — Путь идет тяжело. Снег липнет к дереву, словно злой дух за пятки держит. Нам нужно облегчить дорогу.

Ульф вытер пот со лба замерзшей рукавицей. — Горы не дают легких троп, Ингрид. Придется терпеть.

— Нет, — она чуть улыбнулась, и в ее глазах блеснула та самая острая искра ума, которую Ульф начинал ценить все больше. — У нас есть жир оленя. Если мы разведем небольшой огонь и растопим его, а потом густо смажем полозья... жир не даст снегу хвататься за дерево. Волокуши будут скользить, как по гладкому льду озера. Мы сэкономим силы, и путь станет быстрее.

Ульф замер, глядя то на нее, то на забитые снегом полозья. Он был опытным охотником, он знал тысячи примет леса, но эта простая и мудрая мысль никогда не приходила ему в голову. В племени всегда считали, что тяжелый труд — это доля мужчины, и его нужно просто преодолевать грубой силой.

— Жир... — медленно повторил он, и по его лицу расплылась широкая, искренняя улыбка. — Ингрид, твой разум видит тропы там, где я вижу только стены.

Он посмотрел на нее с таким восхищением, что она невольно смутилась. В этом взгляде не было жалости, в нем было признание ее превосходства в смекалке.

— Ты права, — сказал он, уже начиная сбрасывать суму, чтобы достать трут. — Твои слова стоят дороже десяти сильных рук. Мы сделаем это прямо сейчас.

Пока Ульф разводил крохотный, экономный костер, чтобы растопить кусок жира в каменной площадке, он снова и снова ловил себя на мысли: «Какая удача, что старейшины оказались так слепы. Они выбросили драгоценный камень, решив, что это простой булыжник. И теперь этот свет принадлежит только мне».

Через некоторое время, когда смазанные жиром полозья коснулись снега, волокуши действительно пошли легче, словно сбросили половину своего веса. Ульф и Ингрид снова впряглись в лямки, и теперь их шаг стал бодрее, а скрип снега под полозьями превратился в легкое, победное шуршание.

Они уходили все выше в горы, оставляя позади долины прошлого. Путь все еще был долог, но теперь они знали: у них есть не только сила Ульфа и меткость Ингрид, но и их общая мудрость, способная превратить даже тяжелое испытание в уверенное движение к цели. Ингрид шла рядом, чуть припадая на ногу, но ее голова была поднята высоко, а руки крепко сжимали ремень — она была не ведомой, она была равной. И в этом была самая большая победа этого дня.

Глава 6

Следующий день начался обманчиво тихо, но Ура-Ал никогда не прощал беспечности. К полудню небо, до того прозрачное, начало наливаться тяжелым, свинцовым цветом, словно старый застарелый синяк. Ветер, поначалу лишь игриво поземкой метавшийся под ногами, вдруг окреп, загудел в скалах и обрушился на путников яростным, ледяным шквалом.

Это был настоящий буран. Видимость исчезла в одно мгновение — мир превратился в ревуший белый хаос, где не было ни верха, ни низа, ни тропы. Снег, колючий и мелкий, как раздробленный камень, забивал глаза, рот, проникал под самую одежду.

Они шли, прижавшись друг к другу, наваливаясь на лямки волокуш. Но ветер был такой силы, что казалось, сами горы пытаются столкнуть их в бездну. В какой-то момент Ингрид почувствовала, что ее больная нога окончательно онемела от холода и больше не слушается. На очередном сугробе она оступилась, колено предательски подвернулось, и она рухнула в глубокий снег.

Она попыталась подняться, но силы оставили ее. Холод, словно тысячи ледяных игл, прошивал ее тело, лишая воли. Ингрид видела сквозь пелену снега лишь темный силуэт Ульфа, который рванулся к ней.

— Ингрид! — его голос едва пробился сквозь рев бурана.

Не раздумывая ни секунды, Ульф подхватил ее на руки — легко, словно она была ребенком, а не взрослой женщиной в тяжелых шкурах. Он бережно уложил ее на волокуши, прямо поверх оленьего мяса, и накрыл той самой новой, мягкой шкурой, которую они разминали вчера.

— Лежи! Не смей шевелиться! — приказал он, и в его голосе была такая властная сила, что Ингрид только плотнее закуталась в мех.

Теперь Ульф тянул все один. Свой груз, добычу и ее — свою самую большую ценность. Это было за пределами человеческих возможностей. Ингрид, скованная холодом, почти не могла говорить и думать. Мир для нее сузился до одного — единственного образа: широкой, могучей спины Ульфа, которая закрывала ее от ярости ветра.

Она видела, как он борется за каждый шаг. Как его ноги по колено уходят в наст, как жилы на его шее надуваются от чудовищного напряжения. Он шел, низко склонив голову, буквально прогрызая путь сквозь белую стену. Снег под полозьями волокуш уже не скользил — он сопротивлялся, но Ульф был упрямее бурана. Шаг. Еще шаг. Еще один. В этом движении не было страха — только первобытная, стальная решимость донести ее до тепла.

Ингрид смотрела на него, и в ее замерзающем сознании билась только одна мысль: «Он не бросит. Он скорее станет частью этого льда, чем выпустит лямки».

Вдруг белое марево чуть расступилось, и Ульф увидел впереди темный провал — глубокую расщелину в скале, защищенную выступом камня от господствующего ветра. Собрав последние остатки сил, он сделал последний рывок.

Преодолев последнюю дистанцию, занес Ингрид внутрь на руках, чувствуя, как она дрожит под шкурами. В расщелине было тихо, только свист ветра снаружи напоминал о бушующем аде. Следом он затащил волокуши. Его руки дрожали от перенапряжения, дыхание было рваным и хриплым, но он не позволил себе упасть.

Ульф сразу принялся за огонь. В этой тесной каменной нише каждое движение было на вес золота. Когда первая искра наконец впилась в сухую растопку и крохотный огонек начал лизать ветки, Ульф повернулся к Ингрид.

Он опустился перед ней на колени, его лицо было белым от инея, а глаза горели лихорадочным блеском. Огонь начал расти, отбрасывая на стены расщелины пляшущие тени. Тепло медленно, очень медленно начало наполнять их маленькое убежище.

Ингрид смотрела на него сквозь пар, поднимающийся от ее одежды. Она еще не могла говорить, но ее взгляд, полный бесконечного доверия и нежности, сказал Ульфу все. Они снова победили. Ура-Ал не смог их разлучить. В эту минуту, в тесноте холодной расщелины, они окончательно поняли: нет такой силы в поднебесье, которая могла бы остановить мужчину, несущего свое сокровище, и женщину, которая верит в него больше, чем в самих горных духов.

Огонь в расщелине весело гудел, пожирая сухие ветки, которые Ульф предусмотрительно прихватил с собой еще на прошлой стоянке. Теснота каменной ниши теперь казалась им не тюрьмой, а самым уютным местом во всем мире. Снаружи бесновался буран, швыряя в скалы пригоршни ледяной крупы, но здесь, за каменным выступом, царил покой, пахнувший смолой и жареным мясом.

На этот раз за костром хозяйничал Ульф. Его огромные руки, привыкшие к топору и разделке туш, теперь осторожно переворачивали прутья с нанизанной олениной. Ингрид, все еще укутанная в оленью шкуру, сидела напротив, наблюдая, как блики огня танцуют на его суровом лице. Она уже отогрелась, и только легкая бледность напоминала о недавнем ужасе.

— Знаешь, Ульф... — тихо начала она, нарушая молчание. — Там, в белой мгле, когда я упала, мне на мгновение показалось, что горы решили забрать меня обратно. Я видела, как ты рванулся ко мне, и мне было так стыдно.

Ульф поднял на нее взгляд, но промолчал, давая ей выговориться.

— Я видела твою спину, — продолжала она, и ее голос чуть дрогнул. — Видела, как ты впрягся в эти лямки. Я хотела закричать, сказать, чтобы ты бросил волокуши, чтобы спасался сам, но холод будто зашил мне рот ледяными нитками. Я лежала на шкурах, чувствовала каждый твой рывок, видела, как дрожат твои ноги от напряжения... и понимала, что я сейчас — просто лишний груз, который тянет тебя в могилу.

Ульф отложил мясо в сторону и посмотрел ей прямо в глаза. Его лицо, опаленное жаром костра и иссеченное морозом, вдруг стало удивительно открытым.

— Никогда так не думай, — глухо произнес он. — Когда ты исчезла в снегу, у меня в груди будто все вымерзло. Страшнее любого бурана был этот миг — когда я не увидел тебя рядом.

Он протянул руку и на мгновение коснулся ее ладони, лежащей на краю шкуры.

— Когда я тянул волокуши... — он усмехнулся, вспоминая недавнюю битву с ветром. — Знаешь, мясо оленя тяжелое. Шкура — тоже. Но когда я думал, что там, за моей спиной, лежишь ты... этот груз перестал быть просто весом. Это было мое сокровище, мой драгоценный камень, который я не имел права потерять. Каждая жила во мне пела от того, что я еще чувствую твоё тепло за спиной. Если бы я тебя бросил, я бы перестал быть Ульфом. Я бы просто стал куском мертвого камня.

Ингрид смотрела на него, и в ее глазах блестели слезы, которые тут же высыхали от жара огня. Она почувствовала, как последняя тень вины исчезает, стгорая в этом признании.

— Значит, мы оба спасали друг друга, — улыбнулась она. — Ты — мои ноги, а я... я была твоей целью.

— Именно так, — кивнул Ульф, снимая с огня первый кусок сочного мяса. — На, ешь. Тебе нужны силы, чтобы завтра снова учить меня, как мазать полозья жиром.

Они принялись за еду. Мясо было горячим, обжигающим, и с каждым куском жизнь возвращалась в их тела. Тревога отступила, и на ее место пришло какое-то озорное, почти детское веселье — так бывает только у тех, кто только что заглянул в глаза смерти и сумел отвернуться.

— А представляешь, — вдруг прыснула Ингрид, вытирая жир с подбородка, — что бы подумали в племени, если бы увидели Великого Охотника Ульфа, который превратился в ездовую собаку и тащит по горам девчонку на шкурах?

Ульф замер с куском мяса во рту, представил эту картину и вдруг разразился коротким, но густым смехом.

— Они бы сказали, что я сошел с ума от горного воздуха! — подхватил он. — Старый Ким наверняка бы решил, что меня заколдовал снежный дух.

— Так и есть, — Ингрид лукаво посмотрела на него. — Заколдовал. Только не дух, а одна хромая девчонка, которая слишком много знает о заячьих шкурах.

Они долго смеялись, и их голоса, смешиваясь с ревом бурана снаружи, создавали странную, победную музыку. Ульф шутил о том, что в следующий раз он привяжет к волокушам парус из шкуры, а Ингрид обещала, что будет управлять им, сидя сверху, как королева ледяных пиков.

Буран продолжал бесноваться, пытаясь прорваться в их убежище, но здесь, у огня, было тепло и надежно. В эту ночь они открыли для себя еще одну истину: радость, разделенная на двоих после смертельной опасности, скрепляет души крепче, чем любые обряды. Они сидели плечом к плечу, два изгнанника, которые в самом сердце шторма нашли свой тихий берег. Ингрид чувствовала, как сон — обычный, здоровый сон, а не тот, «внезапный» — мягко подкрадывается к ней, и она знала: пока Ульф рядом, ее утро будет таким же ясным, как пламя этого костра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.